



А. А. Ермичев **ОТ СОСТАВИТЕЛЯ**

Все тексты настоящей антологии написаны противниками Октябрьской революции и Советского государства. Даже социал-демократы, социалисты-революционеры и иные социалисты, крушившие Российскую империю, даже так называемые пореволюционеры — все они были антикоммунистами и антисоветчиками. В многоголосье русского зарубежья от самых «правых» до самых «левых» отчетливо слышна любовь к России. Там, за границами, все-все от генералов П. Н. Краснова и А. Г. Шкуро, до философов Н. С. Арсеньева и В. Н. Ильина были патриотами. Правда, у каждого была своя Родина, зато какими бы ни были достижения Советской страны, они говорили решительное «нет» руководящей роли Коммунистической партии, ленинско-сталинской идеологии, напрямую связывая с ней и преступления Советского режима, и его ошибки. Более того. Многие из них не хотели видеть в СССР Россию.

Совсем не легок вопрос об отборе материалов для антологии и не менее труден другой — о ее структуре. Русское зарубежье за те годы его существования, которые начались с Октября 1917 года сложилось во вторую, параллельную Россию, представленную в мировой культуре выдающимися именами общественных деятелей, политиков, публицистов, философов, ученых, литераторов, деятелей искусства и Церкви. Все они были воспитаны русской жизнью конца XIX — начала XX века, когда Россия энергично устремилась вперед по пути промышленного, научного и социально-политического прогресса. Они стали уходить из жизни в 40–50-е годы, передавая вторую Россию следующим поколениям русской эмиграции. В одной антологии представить такую Россию просто невозможно. Это огромный континент исследовательских многотомий и мемуаров,

журнальных и газетных статей. Континент такой литературы сейчас осваивают множество специалистов, и наша антология с текстами, оценивающими и анализирующими содержание и смысл процессов 1917–1921 годов, всего лишь один из участков этого освоения. Например, в антологии нет авторов-писателей — даже таких как И. А. Бунин или З. Н. Гиппиус, указывавших на смыслы существования русского изгнаничества. Отсутствие здесь беллетристики оправдывается просто — им, писателям, должна быть предоставлена отдельная книга. Возможно, она уже существует.

Началом организации текстов в предложенной антологии стало привычное разделение на « первую » (1918–1940 гг.) и « вторую » (1941–1950 гг.) волны русской эмиграции. Известно, что уже только с 1917 по 1922 год различными способами — отступлением ли с разгромленными белыми воинскими частями, нелегальными ли переходами границы, высылкой ли, иным каким-то образом — около трех миллионов человек покинули Родину. Если эти люди не хотели называть себя эмигрантами, предпочитая имя изгнаниников, то, по точному счету, они были совершенно правы.

Партия большевиков, углубляя революцию, все снова и снова призывала все большее и большее число людей принять в ней активное участие и, наконец, поднялся « весь мир голодных и рабов », поднялась « взвихренная Русь ».

Было отчего. Дореволюционная Россия, хотя и сделала в начале XX века огромные успехи в промышленном развитии и совершенствовании своего государственно-правового и политического строя, совсем не была « говорухинской » с ее крепким, довольным и улыбчивым народом. Сообразительному читателю напомню не наугад взятые цифры. Только 14,7 % русских крестьян из числа бедных и середняков могли давать товарный хлеб, то есть на продажу. Прочее съедалось на корню... Другая цифра: на 10 000 человек русских приходится 1,8 медика. Огромные массы населения жили бедно и плохо. Неужели чеховские « Мужики » или « В дороге » ничего не говорят об их жизни ? А неустроенных в городе, недовольных настоящим и чающих светлого будущего, обиженных судьбой всегда больше, чем покойных и благополучных. Зажигательные речи интеллигентов, большевиков и иных социалистов о вине истории перед людьми и о непременном светлом будущем оправдывали недовольных, звали их к борьбе за право свое. Распрямлялись спины, расправлялись плечи, бодро и зорко вдаль смотрели глаза — новые обстоятельства творили новых людей.

Кто был ничем, тот станет всем. Плуг истории мощно перекопал русскую землю, и сверху, под социальным солнцем, улеглись нижние почвенные горизонты, придавив собою перевернутые плодородные слои. Остались те, кто не хотели или не смогли уйти, а «проклятым заклейменные» герои Платонова и Зощенко стали строить новый мир. Тем же, кто ушел, осталось только зализывать раны и причитать: «Мы не в изгнании, мы — в послании». Так оно и было: «в духе своем эмиграция осталась верна России... Великая одаренность русского народа, его жизнеспособность, энергия, его стремление к творчеству проявились в ней полностью»¹. Вклад русских эмигрантов в мировую культуру громаден, и можно только страшно жалеть, что большевистская народная революция, опрокинув несправедливость старого социального строя, опрокинула расцветшую при нем культуру.

Другим был состав «второй волны». Она сложилась из тех, кто либо вырос в условиях советской действительности, либо прожил в этих условиях какую-то часть своей жизни — юность или наступившую зрелость. По разному они оказались за рубежом: попавшими в плен, угнанными в немецкие концлагеря или переселенными на работу в Германию, сознательно перешедшими на сторону оккупантов, наконец, просто унесенными историческими ветрами со своей Родины. На конец Второй мировой войны за границей оказалось около 5 миллионов граждан Советского Союза. Довольно скоро, благодаря торгу Сталина с союзниками, большая часть их была депатриирована. Число оставшихся на Западе определяют весьма приблизительно — в количестве от 700 тысяч до миллиона человек. Они-то и образуют так называемую «вторую волну». На чужбине постарались остаться те, кто был враждебен к советской власти, или был виновен перед советским народом, или — как минимум — не хотел жить в условиях тоталитаризма и несвободы. Этим объясняется яркая политизированность «второй волны». Холодная война, начало которой определила Фултонская речь У. Черчилля, произнесенная в марте 1946 года (кстати, С. Л. Франк назвал речь «гениальной»), сделала вторую эмиграцию активным участником борьбы против СССР. Наличие у нее опыта жизни в советских условиях — подчас очень драматического — выдвинуло ее на авансцену напряженного противостояния двух мировых социально-политических систем. В отношении качества высокой культуры вторая эмиграция проигрывает первой.

¹ Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 147.

Нет уже таких ярких имен — ни в литературе, ни в философии, ни в науке. Но ее, как и первую эмиграцию и, быть может, еще больше, терзает мысль о России, ее истории и ее возможном будущем.

Таким образом, представленные в антологии тексты охватывают довольно большой, более чем полвека длившийся период развития советского общества. Последним представлен в антологии текст В. В. Шульгина, который относится к 1968 году. Завершилось время мобилизационной модернизации Советской страны. Несмотря на страшные разрушения и безвозвратные потери, понесенные в Великой Отечественной войне, Советский Союз уверенно занимает место второй мировой державы. Но уже многие ощущали, что мировоззренческий и политический источник советского социального творчества оскудел, а другого источника — самовоспроизводящегося — экономического просто не было. Начался закат советской империи. Сталин умер вовремя.

Хронологические рамки антологии соответствуют времени поступательного развития советского общества, которое и было главным результатом и продуктом событий 1917–1921 годов.

Другое разделение — уже в самой «первой волне» — тоже определяет структуру антологии. Речь идет об общественных и политических деятелях «старой» и «новой» формаций. Что касается «старой» формации, то в виду имеются лица, которые обрели такую свою репутацию еще до событий 1917–1921 годов. Вторая формация состоит из деятелей, получивших общественное признание и авторитет уже после этих событий, то есть в зарубежье.

Известно, что на начало XX века в России действовало более 150 политических партий (включая сюда партии регионального значения). В предлагаемой антологии о русской революции высказываются руководители и публицисты общероссийских партий — консервативной, либеральной и социальной направленности. Соответственно, первая из них представлена в антологии марксистами; вторая — правыми и левыми либералами, а третья — эсерами и социал-демократами. Руководители этих партий не смогли извлечь уроков из катастрофы 1917–1921 годов, сохранили старые знамена и с ними ушли в зарубежье. Здесь они оказались в абсурдной и почти комической обстановке. Имелось руководство, выпускались под его эгидой какие-то периодические издания, яростно дискутировались сложнейшие вопросы сиюминутного и вечного характера, но... связей с Россией не было или практически не было, по существу были не партии,

а небольшие, разбросанные по городам и весям Европы и Китая кружки и группочки. Если же иметь в виду, что основная масса изгнанников была занята борьбой за выживание, то едва ли она проявляла особенную заинтересованность к политическим программам партий, которые так безнадежно потеряли Россию. Тем не менее, питаясь из разных источников, партийные руководства предпринимали какие-то политические акции среди изгнанников-соотечественников и даже претендую влиять на поведение иностранцев в их отношении к новой России. Но все их усилия были тщетны. Иностранцы не любили аутсайдеров, а русские политики старой формации такими и были.

Поневоле партийным руководителям приходилось влезать во всякого рода конфронтации, делиться на «крылья» и «стороны» и выяснить отношения между собой. Влача жалкое существование, руководства партий «старого» покроя дожили до пятидесятых годов.

Но они интересны не своей собственно историей, а анализом причин и сущностей русской революции, сокрушительной победы в ней большевиков, и потому обильно представлены в книге. Дело в том, что в России на начало XX века политика еще не стала профессией, а была скорее призванием. Такое призвание предполагало у его носителя высокое качество культуры, богатство мировоззрения, умение соотносить злобу дня с вечными вопросами бытия. Разве разделимы в Петре Струве историк, философ, экономист и политик? Разве нельзя сказать такое же о других русских политиках того времени? Не случайно, что редакциями самых популярных литературных журналов «первой волны» — «Русская мысль», «Современные записки», «Воля России» — руководили политики.

Благодаря этому обстоятельству политики «старой формации» охотно выступали в роли общественных и культурных деятелей. Соответственно их анализ политических событий — особенно ретроспективный — был интересен и глубок. В том, что действительно было и было фактически состоявшимся, ум и память партийных аналитиков обнаруживали такие связи и сцепления, что нужно было только удивляться, что кроме предложенного ответа могли существовать еще какие-то...

Руководители «старых партий», превосходно представляя себе сложнейшее переплетение экономических, социальных, политических и культурных противоречий, которые были присущи русской жизни накануне революции, все же на вопрос о причинах революции предлагали три варианта ответов. Консерваторы-монархисты либо говорили о случайных обстоятель-

ствах, причинивших гибель старых порядков, либо муссировали теорию заговоров. Либералы винили жесткую и неповоротливую политico-правовую конструкцию государства, которая не позволила развиться позитивным началам русской общественности. Социалисты марксистского и иных толков указывали на социально-экономические факторы, сделавшие революцию желанной и необходимой.

В этих ответах было больше единодушия в суждениях об Октябрьской фазе русской революции: большевики-де потому и выиграли в политической борьбе, что играли на настроениях незрелых народных масс, не заботясь о праве и приличиях, авантюристично, а не так, как принято у воспитанных людей.

Составитель полагает, что приводимые здесь выступления теоретиков и функционеров адекватно характеризуют позицию партий относительно ключевых вопросов революции, хотя, конечно, взятые сами по себе они несут отпечаток преходящих обстоятельств.

Шло время... Мир переживал глубокий экономический и социальный кризис и, презирая демократию, спасался от него в авторитарных режимах (Италия, Германия, Испания) и готовился к войне. В России началась героическая эпоха коллективизации, первых пятилеток, «великого отступления» и строительства новой жизни под знаком сталинского национал-большевизма. Накал ее противостояния с Европой не снижался, а возрастал. В такое время входили дети русских эмигрантов, спасенные от революции и вывезенные за рубеж.

Взрослея, они критически оценивали «отцов» и вырабатывали собственное видение мира. Их жизненный опыт, конечно же, беднее, чем опыт родителей, но, главное, — он — другой. Они еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от поколения старших. Зато есть в их судьбах сходство с судьбой всех «лишних людей» русского прошлого — и всех «потерянных» поколений Европы и Америки. Материальные лишения, неустойчивое правовое положение и гнетущий разрыв между самооценкой человека и его реальным положением чужого в чужой стране. Мысли и чувства их обращаются к Родине — идеализированной, идеальной, теперь уже такой далекой и оттого еще более любимой.

Новое поколение было чувствительно к так называемому «пореволюционному сознанию» — новому умонастроению в эмигрантской среде, которому пришлось признать революционные

изменения в России необратимым фактом ее истории. «Пореволюционное сознание» возникло еще в начале двадцатых годов, в тридцатые превратилось в заметное идеяное и культурное движение эмиграции. Некоторые его ветви претендовали на партийно-политическую деятельность. Работы пореволюционеров образуют в антологии отдельный раздел.

Главное в пореволюционном сознании — это признание русской революции закономерным событием нашей национальной истории, после которого невозможно никакое возвращение к прошлому, но зато возможно позитивное движение к будущему, чреватому блестящими всемирно значимыми результатами. Советский марксистский коммунизм, равно как буржуазный либерализм ими, безусловно, порицались, а главной для них была идея социальной справедливости — центральной для всего ряда пореволюционных идеологий.

Другой признак пореволюционного сознания — активизм и проективизм, то есть желание улучшения результатов революции, чтобы превзойти — преодолеть ее в движении по какой-то особенной третьей (не капитализм и не советский социализм) дороге к идеальному и непременно духовному состоянию общества.

Наконец, третьим признаком пореволюционерства является признание им христианства в качестве дееспособного регулятора общественной и исторической жизни. Все представители пореволюционерства были приверженцами социального христианства, традиции которого были очень сильны в России. Им особенно интересны В. С. Соловьев с идеей истории как Богочеловеческого процесса и Н. Ф. Федоров с проектом исполнения христианского дела. Такое высокое качество регулятора непременно влечет идеократический характер их организаций.

В этих довольно широких рамках пореволюционного сознания умещалось большое количество его разновидностей. Здесь были сменовеховцы — ключниковцы, национал-большевики — устряловцы, евразийцы правые и левые (кламарцы), младороссы, народники-мессианисты, новоградцы, новопоколенцы, утвержденцы, даже пореволюционеры-фашисты, и проч. — все промелькнули перед ними, все побывали тут... Здесь были те, кто с симпатией относился к советскому народу, а были и другие, кто потом пошел на сотрудничество с немецким фашизмом, здесь были «духовники» (просветители и пропагандисты) и активисты (кому хотелось хотя бы какого-то политического дела)... Каждая из разновидностей развивалась по-своему, несмотря на предпринимаемые попытки их объединения — к ним можно

отнести образование Объединения пореволюционных течений (в июле 1933 г.) и создание Пореволюционного клуба (в ноябре 1932 г.). «Клуб, — говорилось в резюме по этому случаю, — состоит из лиц, приемлющих следующие положения: а) примат духовного начала над материальным и вытекающие из него антикапитализм и антикоммунизм, б) признание Революции путем к России завтрашнего дня, в) утверждение Вселенского характера призыва России»*.

Рассеянные по громадной территории русского зарубежья от Франции до Китая, все они с энтузиазмом проповедовали идеи, возвещавшие о скором пришествии нового мира, который наконец освободит человечество от тягостного бремени материализма и начнет жить в духе. Разумеется, в диапазоне пореволюционных идей нашлось место и для политики. Особенно горячие головы мечтали внедриться там, за кордоном (новопоколенцы), или даже стать второй советской партией (младороссы). Но подчас очень шумные проявления такой активности едва ли обретали от этого действительную политическую значимость. Бессспорно другое — социально-культурная значимость пореволюционеров. Ныне высоко ценимом научное и философское наследие евразийцев и новоградцев. Историки литературы русского зарубежья расскажут о писателях и поэтах, вдохновляемых пореволюционными идеями. Место поколения пореволюционеров в истории русской эмиграции прекрасно обрисовано В. С. Варшавским в «Потерянном поколении» — не будем повторяться.

Появление пореволюционеров, проявляемый ими постоянный интерес к жизни Советского Союза можно, пожалуй, оценивать как своеобразную форму извинения перед народами России за тех из «старшего» поколения эмигрантов, которые тешили себя мечтами об интервенции и реставрации.

Однако удивительно другое — что в годы всеобщего кризиса и ожесточения у эмигрантов возрождается радостная идея единства человечества во Христе, единства, которое будет — да, будет! — достигнуто на пути Русской Национальной Исторической идеи: «Мы веруем в славные судьбы России, преображенной прийти религиозной идеей и строящей — не для себя одной — свой честный трудовой дом». Можно и даже нужно отметить, что после политического утилитаризма времени революции и гражданской войны пореволюционеры возвратили эмигрантскому сознанию философию истории и историософию в той постановке, которая была характерна для русской религиозной мысли.

² Завтра. Ежемесячник утвержденцев. 1933. 7 января. № 1. С. 28.

Легко заметить, что Русская Национальная Историческая идея сосуществовала с другой, уже рожденной в Советском Союзе, — идеей строительства социализма в одной стране и будущего торжества царства труда во всем мире. Матрица и отпечаток.

Третья группа представленных в антологии материалов — исторические исследования русской революции и размышления о ней наших философов и культурологов.

Известно, что исторические исследования никогда не являются описаниями, а всегда представляют собой аналитику событий. Она же предполагает оперирование многими категориями социально-философского знания: действительность, закон, причина, следствие, необходимость, случайность, личность, масса, народ, революция и эволюция и тому подобными. Эти категории наполняются конкретно-историческим содержанием, и его динамика отпечатывается в тексте.

Авторы-историки, представленные в антологии, понимают революцию как вступление на авансцену истории новой социальной группы, и при этом вступление насильственное, то есть силой, принуждающей к изменению наличный порядок. Поэтому правильные политики постоянно соотносят революцию с порядком, законом, мерой. Тем самым они ставят революцию в положение средства, используя которое возможно усовершенствовать существующий порядок и даже изменить его в пределах того культурного пространства, которое задано исторически в форме совокупности ценностей и идеалов, руководящими поведением политика. Жить в обществе и быть от него свободным нельзя. Это известно всем и давным-давно. Люди, конкретные люди, вроде Николая Ивановича Гучкова или Владимира Ильича Ульянова, являются носителями этих ценностей, демонстрируя одним этим фактом свою зависимость от общества, встроенность в реальное тело истории. Революции происходят и тогда же (так значительно в данном случае наречие!) делаются. Совокупное действие людей и есть форма движения истории. Теперь-то становится понятным, как важна личность исторического деятеля — его воля, дисциплина, решимость, умение подчинить себе ближайший круг и вынудить к действию. Конкретное, во времени и пространстве расположенное соотношение субъективного и объективного, сознательного и вне его существующего определяют маршрут революции и ее масштабы.

Распространено мнение, что революцию делают не бедные и униженные — они озабочены хлебом насущным и попросту тупы, чтобы додуматься до революционного проекта, а другие — интеллигенты и прочие, живущие в среднем достатке,

но психически ущемленные — вроде тех бессовестных бесов, которых изобразил на своем полотне великий русский стра-далец. Если слушать его, то все русское освободительное дви-жение — от А. Н. Радищева до Михаила Молостова и Игоря Огурцова — сонмище больных, раздвоенных и бессильных... Интересно, читали ли когда-нибудь наши любители «Бесов» воспоминания П. А. Кропоткина или «Историю моего современ-ника» В. Г. Короленко? Тогда они бы поняли, что революцию начинали совестливые люди, чьи души «страданиями человече-ства уязвлены были». Спорить об этом не нужно. Не то важно, что революцию делали интеллигенты, а то, что их поддержал народ — и в Феврале, и в предоктябрьские дни, когда на каждом углу большевики орали любезное народу: «Мир хижинам, вой-на дворцам! Долой войну! Землю крестьянам! Заводы рабочим! Грабь награбленное! Экспроприирем экспроприатора!» Пришел Ленин — новый Пугачев, «думающая гильотина», как назвали его враги революции.

Неудивительно, что личность Ленина занимает так много ме-ста в антологии. Он всегда оказывается в нужное время в нужном месте. Кажется, опоздай он в штаб восстания в ночь на 25 октя-бря, все было бы совсем по-другому. Но ничто не мешало Ленину потому, что в Смольный в лице его шла сама русская история.

Политики — либералы, демократы и социалисты, воору-женные знанием современной им социально-политической и правовой науки, стоявшие на уровне мировой культуры и под-наторевшие в меж- и внутрипартийной политической борьбе, все, начиная с рассудительного Г. В. Плеханова и заканчивая неистовым И. А. Ильиным, и подумать не могли, что действия В. И. Ленина и сплоченной им боевой партии большевиков с ее презрением ко всякого рода принятым нормативам, обычаям и законам, с обращением ко все более широким народным массам вплоть до самых низов — что эти действия и есть революция — взрыв всех и всяческих смыслов бытия! Как много — то прене-брежительно, то злобно — авторы антологий говорят о Ленине. Глядя на содеянное, сотворенное его партией, они — культурные политики — думали, что это — не революция, а только бунт рассвирепевшего охлоса и утоление страсти властолюбивого фанатика!

Они ошибались. Это и было революцией по-настоящему, революцией народа, поднятого до самых нижних своих низов. Беспощадное переворачивание социальных слоев — для одних — гибельное, смерть несущее, для других — освобождающее, светоносное...

Но жить в революции нельзя. Жизнь — это творчество, любовь, труд, наука, искусство. Это создание нового, не бывшего еще. Поэтому надо прекращать революцию, и большевистская интеллигенция прекращает ее — победой в Крыму и на Дальнем Востоке, деятельностью ВЧК и введением НЭПа. Она приступала к созидающей работе и перестала быть революционером. Социологическая почва была перепахана. Буржуазии и помещиков не стало. Нэпманы сидели под строгим контролем. Крестьянство обрело землю. Пролетариат был провозглашен новым классом. Интеллигенция принуждалась на службу новой рабоче-крестьянской власти. Самооценка народа возросла. Зажглась «лампочка Ильича». Можно было начинать строить социализм.

Но не успех большевиков был главной загадкой революции. Он как раз совершенно понятен. Точнее формулы, чем «верхи не могли, низы не хотели» найти невозможно. Был нужен только организатор, кто переведет «не хотят» в действие. Организатором стал орден меченосцев-большевиков, воспитанных Лениным.

Поразительно другое. Ни один из руководителей революции, ни один из ее рядовых участников не мечтал о таком русском будущем, каким оно оказалось в действительности. Никто не мечтал о более чем скромном быте советских людей, коммуналках, жизни от зарплаты до зарплаты, о всеобщей бюрократии, цензуре, разверсткам по «врагам народа», о ГУЛАГе и советском самодержце — Генеральном секретаре.

В самом скором времени после Октября, за несколько лет большевики разгромили все демократические и социалистические партии — вчерашних союзников по борьбе с самодержавием. Теперь РКП(б) не имела оппозиции. Партия огосударствилась. Идеократизм стал фактом советской жизни. Первые большевики мечтали о всеобщем счастье и боролись за него, а у их сталинской смены получилось не счастье, а могущественное государство. Зарубежье сразу догадалось, что за дверями ленинской революции стояла Московия с ее тягловым порядком.

Рабочие и крестьяне даже не заметили, как их товарищи соорудили социально-ориентированное тоталитарное государство. Созданное чтобы в будущем отмереть, оно в настоящем оказалось один на один с огромным количеством вопросов, требующих мгновенного разрешения. Вождям, вышедшим из народных толщ, надо было обеспечить их работой, зарплатой и жильем, медициной, образованием. Разруха была всеобщей, а народ — не таким, чтобы стать умелым и рачительным хозяином страны. Специалистов было мало или их не было. Метод проб и ошибок был затратным, порождал недовольных и поддерживал недобро-

желателей. Революционное насилие должно было сохраниться, а народ необходимо образовать и воспитать. Социальное государство создало разветвленную сеть медицинского обслуживания — от фельдшерских пунктов до санаторного лечения. Постепенно сложилась хорошо работающая система народного образования — от начальной до высшей школы. Культурное воспитание народа шло под знаком гуманистических ценностей, предложенных мировой и русской классикой. Их вершинами были Маркс и Энгельс, русские революционные демократы и их творческие продолжатели — Ленин и Сталин.

После отступления в НЭП русский воз тронулся к индустриализации. Много делалось неумело, грубо и плохо, а «вредителей» и «врагов народа» было в избытке. Несознательное население хотело лучшего и копило недовольство. Только партия и комсомол любили свободу и справедливость для всех и считали коммунизм не утопией, а далеким будущим. Ради этого светлого будущего можно было потерпеть. Надо было поработать на него. И вот советские люди борются со старым бытом, с врагами народа, неграмотностью и болезнями, овладевают наукой, строят заводы, прокладывают каналы, осваивают Арктику, Дальний Восток и крепят оборону в ожидании новой войны империалистов против страны Советов.

Предупреждение вождя о необходимости успеть подготовиться к войне стало категорическим императивом страны. Ценой огромных лишений были заново созданы целые отрасли современной промышленности.

С началом 30-х годов «мировая революция» была отодвинута в сторону. Ее место заняло строительство «социализма в одной стране». Когда советское государство признало себя преемником всей русской истории, его несляянно-нераздельное единство с народом приобрело национальную форму. Война русского гуманистического коммунизма и немецкого расового фашизма была уже Великой Отечественной войной.

В 1927 году П. М. Милюков написал о трех опорах советской власти — коммунистической партии, Красной армии и терроре. В 1943 году в статье «Правда большевизма» он дополнил свой рассказ, назвав социальные обретения советских людей и их воспитание — порожденном годами советской власти идеализме, который в каких-то критических ситуациях превращался в горячую, почти религиозную веру.

Подобно тому, как когда-то христианство вдохновляло своих первых последователей, так в XX веке высокий идеализм Страны Советов вдохновлял людей. За какие-то сорок лет от 1921 г.

до апреля 1961 года советское государство превратило крестьянскую Россию в мировую — по всем показателям! — сверхдержаву. Это было настоящее русское чудо!

Предлагаемая антология совсем или почти совсем не освещает восприятие советского периода отечественной истории. Видимо, нужен еще один том, специально сориентированный на эмигрантское восприятие советской жизни. Тем не менее и в предлагаемой антологии уже несколько сказано о послеоктябрьском существовании России.

Речь идет о последнем разделе антологии, в котором философы говорят о глубинной, духовной причине русской революции. Она не могла не проявиться в своих следствиях, то есть в советском тоталитаризме.

Для каждого из русских мыслителей русская революция была драмой и трагедией русской истории и культуры. Все они не хотели революции и тем более в тех масштабах, которые ей были приданы обстоятельствами. Все они говорили о безусловном зле революции, не принимая никакого оправдания революционному насилию против личности — ни светлым будущим, ни бессудным воздаянием за прошлые грехи ее отцов и дедов. Тем более их ужасал размах революции и гражданской войны в России, где в схватках народных масс низкие инстинкты и страсти злобно торжествовали над разумом и моралью.

Палитра суждений мыслителей о русской революции очень богата, многоаспектна. Это неудивительно, если иметь в виду богатую историческую, культурную и духовную почву, на которой вырастала их мысль. Например, у Л. П. Карсавина или Г. В. Флоровского отчетливо различим евразийский контекст, но и этот последний тоже характеризует состоявшееся событие. Другие, как Н. О. Лосский, заводят речь о конвергенции — и этим тоже высвечивается грань советского коммунизма. Но в чем мыслители солидарны вполне, то это в необходимости искать его духовные основы. В незащищенности человека перед революцией и советским тоталитаризмом они увидели проекцию особого рода сознания русских марксистов-революционеров.

Общий ход рассуждений у мыслителей зарубежья знаком читателю по знаменитому сборнику о русской интеллигенции «Вехи» (1909). Авторы антологии, — а некоторые из них писали в «Вехах», — только продолжили и углубили суждения известного сборника.

«Веховцы» упрекали освободительную интеллигенцию за признание ею примата общественных форм перед внутренней жизнью личности. Авторы антологии, по-прежнему настаивая

на безусловной ценности духа, указывают на то, как русские марксисты-революционеры просто исключили личность из истории, подписав тем самым приговор русской интеллигенции. У ленинцев история идет поверх каких-либо представлений о добре и зле.

Возвратимся к эпизоду уничтожения в Советской России немарксистских демократических и социалистических партий. Оно произошло в полном согласии с «Манифестом Коммунистической партии», который учил, что в сравнении с пролетариатом, а в особенности после победы его в революции, все остальные классы и, соответственно, представляющие их партии, слипаются в одну сплошную реакционную массу. Их нужно нейтрализовать или даже уничтожить, что и было сделано. С точки зрения марксистской социальной науки это логично. Она же учит, что история есть борьба классов.

Что касается научности социально-исторической концепции марксизма, то позволительно думать, что она истинна лишь относительно, подобно тому, как относительно истинна любая научная теория. Со временем меняются понятия труда, капитала, отношения того и другого, класса и т. д. и т. п. Русские критики марксизма, например П. Б. Струве и С. Н. Булгаков, следуя своим немецким учителям, писали об этом еще в конце XIX века.

Сейчас интересно другое. На основе анализа капиталистического способа производства в Европе были предложены выводы социально-философского и историософского характера о мессианской роли пролетариата. Эти выводы как раз и интересны нашим философам.

Итак, в марксистской науке выявляется понятие «класса» как субъекта истории. Человек в этой сетке понятий рассматривается социологически как совокупность общественных отношений, определяемых положением класса в производстве и распределении. Личность как индивидуум, как индивидуальность в марксизме отсутствует, уйдя в соображениях его последователей на какие-то второй и третий планы. Более того. В марксизме личность как раз заметна и ценна именно своей принадлежностью к классу, а не своими индивидуальными качествами. Рассказывают, что в ГУЛаге воры были «социально близкими» охране, а интеллигенты, естественно, совсем не «близкими». В ситуации революции принадлежность к классу определит судьбу человека, поставив его в положение виноватого или в положение праведника и обвинителя. Но возможно спастись каждому. Виноватый может получить прощение, покаявшись и признав высокую правоту пролетариата, предложенную

в учении Маркса и его продолжателя Ленина. Только и только так. Классовая природа личности невидима, но обнаруживается при тестировании истиной, то есть ленинской, а потом сталинской интерпретацией научного учения Маркса. Несогласие с интерпретацией есть обнаружение подлинной природы индивидуума, будь он по рождению пролетарием в седьмом колене, а по положению — слесарем с завода Михельсона.

В республике Советов возникает иерархическая структура общественного устройства. Итак, личность интересна и значительна, если она выражает интересы класса. Лучше всего этот интерес выражают те, кто усвоили марксистскую науку классовой борьбы. Это — теоретики марксизма, почти небожители. Они-то и вносят сознание в пролетарские головы, а кто хорошо усваивает марксистские истины, тот образует элиту класса — партию. Ниже на ступеньке располагаются обычные пролетарии... Тоталитаризм советского общества прямо-таки продиктован учением Маркса (если, конечно, абстрагироваться от условий времени и пространства).

Позволительно думать, что для большевиков на II съезде РСДРП такое устройство общества было совершенно непримлемо. Но в горячке революционной борьбы, ведомые верой в научность гуманистического идеала, они воспринимали действительность и людей только в категории долженствования и потому были нетерпимы к свободе.

Таким был порядок рассуждений мыслителей русского зарубежья, осудивших марксистское революционное сознание как псевдорелигиозное. Ни один из них не игнорирует конкретно-исторические предпосылки марксистско-ленинского результата русского освободительного движения. Они внимательны к долгой эпохе крепостничества и к ее разворачивающему влиянию на общество и народ. Они внимательны к религиозности народа и общества и к положению Церкви в России. Они знают о социальной неправде и несправедливости, творимых в отношении народа, и отмечают особенности его характера, который позволил расширить масштабы революционного разорения страны. Ничто не оставлено без внимания русскими, изгнанными с Родины, — ни придворные круги, ни помещики и буржуазия, ни, наконец, интеллигенция... Они хотят понять главное — как, при каких условиях большевики соединили русскую мечту о справедливости и все уравнивающий ленинский марксизм.

В работе над антологией мне помогало множество людей. Назову только некоторых. Я сердечно признателен З. А. Ивановой, а также профессорам Г. Е. Аляеву, А. В. Антощенко, П. Н. Базанову, Д. К. Богатыреву, К. Б. Ермишиной, А. А. Иванову, О. В. Самылову, В. В. Сапову, С. Л. Фирсову, В. А. Щученко.

